

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845
УДК 811.161.1.28+801.731

**Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов
(размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография /
под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.)**

Василий Иванович СУПРУН

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>, e-mail: suprun@vspu.ru

**Regiolect vs dialect: new searches of ethnolinguists
(reflections on the book: Donetsk Regiolect: monograph /
edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.)**

Vasilii I. SUPRUN

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenina Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>, e-mail: suprun@vspu.ru

Аннотация. Рассмотрены соотношения между терминами *региолект* и *диалект*, отмечено, что региолект обладает следующими чертами: 1) ограничен территориально, встречается только на территории проживания субэтнуса; 2) ограничен социально, является речью людей, причисляющих себя к субэтносу; 3) имеет однородные лингвальные черты; 4) может обладать престижностью, связанной с позитивными представлениями носителей о своём субэтносе; 5) имеет собственное ономастическое пространство, состоящее из особых моделей ономообразования и характерных только для этого субэтнуса онимов; 6) включает в себя говоры с некоторыми специфическими лингвальными чертами, однако не разрушающими однородное единство народной речи; 7) представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах. В рецензии на книгу донецких лингвистов «Донецкий региолект» отмечено, что авторы убедительно доказывают существование анализируемого идиома, который: 1) ограничен территорией Донбасса; 2) имеет в качестве основы профессионально окрашенную речь шахтёров; 3) достаточно однороден, распространён на всей территории региона; 4) позитивно оценивается носителями, бережно относящимися к словам и словосочетаниям своей донецкой речи; 5) имеет богатое ономическое пространство; 6) имеет устойчиво употребляемый катойконим *донбассовцы* (и *донбассцы*), в котором просматриваются этнонимические черты; 7) функционирует за пределами России; 8) включает в себя некоторые явления соседнего украинского языка; 9) убедительно представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: диалект; региолект; регион; А.С. Герд; субэтнос; Донбасс; лингвосознание; региональная лингвистика; этнолингвистика

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-412-340004 «Духовная культура донского казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы».

Для цитирования: Супрун В.И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (рецензия на книгу: Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 836-845. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845

Abstract. We consider the relationship between the terms *regiolect* and *dialect*, and note that the regiolect has the following features: 1) geographically limited, found only on the territory of the

subethnos' residence; 2) socially limited, is the speech of people who consider themselves as a subethnos; 3) has homogeneous linguistic features; 4) may have prestige associated with positive ideas of native speakers about their subethnos; 5) has its own onomastic space consisting of special models of onym formation andonyms characteristic only for this subethnos; 6) includes dialects with some specific linguistic features, but do not destroy the homogeneous unity of folk speech; 7) presented in folklore, artistic and publicistic texts. In the book review of Donetsk linguists "Donetsk Regiolect" we note that the authors convincingly prove the existence of analyzed idiom., which: 1) is limited to the territory of Donbass; 2) is based on the professionally colored speech of miners; 3) is quite homogeneous, distributed throughout the region; 4) is positively evaluated by native speakers who are careful about the words and phrases of their Donetsk speech; 5) has a rich onymic space; 6) has a consistently used katoikonym *донбассовцы* (and *донбассцы*), which reveals ethnonymic features; 7) operates outside of Russia; 8) includes some phenomena of the neighboring Ukrainian language; 9) is convincingly presented in folklore, artistic and publicistic texts.

Keywords: dialect; regiolect; region; A.S. Gerd; subethnos; Donbass; linguistic consciousness; regional linguistics; ethnolinguistics

Acknowledgements: The reported research is funded by Russian Foundation for Basic Research, grant no. 19-412-340004 "Spiritual culture of the Don Cossacks as a multicultural tolerant environment: language and images".

For citation: Suprun V.I. Regiolect vs dialekt: novye poiski etnolingvistov (razmyshleniya o knige: Doneckij regiolect: monografiya / pod red. V.I. Terkulova. – Doneck: Foliant, 2018. – 265 s.) // [Regiolect vs dialekt: new searches of ethnolinguists (reflections on the book: Donetsk Regiolect: monograph / edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 836-845. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современная отечественная лингвистика развивается в весьма сложном полипарадигмальном формате. Ещё в середине XX века в российскую (и европейскую) традицию научного поиска активно вторглась американская научная парадигма со своей терминологией, спецификой анализа языкового материала: дескриптивный метод, трансформационно-генеративная грамматика, теория речевых актов и пр. [1]. Как часто бывает с неуёмным использованием плохо осмысленных терминов, они постепенно девальвируются, приобретают расплывчатые определения, утрачивают суть терминологичности, становятся модными словами; ср. девальвацию терминов *дискурс*, *концепт*, *языковая картина мира* и пр. в лингвистических трудах последнего времени. Это же касается терминологии, пришедшей не только из американской лингвистики, но и из европейских школ, а также созданной в рамках отечественных научных направлений. Похоже, что в настоящее время подобным путём происходит развитие термина *региолект*.

Этот термин стал известным в российской науке благодаря трудам петербургского учёного Александра Сергеевича Герда (1936–2016), автора первого отечественного

учебника по этнолингвистике. Впервые термин *региолект* употребил в своей статье в 1991 г. петербургский диалектолог Валентин Иванович Трубинский (1927–2010) [2]. Термин мог быть создан на базе русского языка с использованием элементов, вычлняемых в словах *регион*, *диалект*. Изначально в нём содержалась некоторая расплывчатость семантики, учитывая особенность значения слова *регион* 'обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединённых по нескольким общим признакам (географическим, экономическим, политическим)' [3, с. 1110]. Словарь не учитывает функционирование этого слова в контекстах, где оно имеет более узкое значение: *Волгоградский регион* (= область), *коды регионов РФ*, *Запорожье – исторический регион Киевской Руси*, *Российской империи, СССР и Украины*.

Термин мог также быть заимствован из французской лингвистики, где к территориальным вариативностям (*variation diatorique*) языка относятся *régiolecte* (региолект), *topolecte* (тополект), *géolectes* (геолект). Эти терминологические единицы практически синонимичны и имеют трудно уловимое отличие от термина *dialecte*, также функциони-

рующего во французском языкознании. Тополект – лингвистическая разновидность, рассматриваемая с точки зрения географической территории. Так, тополект, распространённый преимущественно в сёлах в окрестностях Висамбура, классифицируется как находящийся частично под влиянием франко-рейнского и немецко-эльзасского, включаемый в южно-франкскую группу [4]. Поиски терминологических решений при описании разновидностей французской народной речи приводят к употреблению терминосочетаний *langues régionales*, *paroles regionales* [5; 6], что ещё более усугубляет трудности понимания термина *regiolecte*.

Такой терминологический разнобой отражает в целом скептическое отношение французской, да и мировой лингвистики к соотношению понятий *язык* и *диалект*. Часто цитируется афоризм Макса (Мейера Лазаревича) Вайнрайха (1894–1969), услышанный им якобы от некоего учителя английского языка. На идише это высказывание звучало: *אַ שפּראַך ן איז אַ דיאַלעקט מיט אַן אַרמיי און פּלאַט* «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот». В своей недавней работе новозеландский лингвист А. Максвелл назвал это высказывание остроумной шуткой М. Вайнрайха, которую ныне используют в двух целях: делегитимизировать само понятие отличия языков от диалектов; подчеркнуть внеязыковые факторы, играющие роль в спорах об отличиях между языком и диалектом. Он отметил, что лингвисты обеих школ прибегают к этой шутке, чтобы избежать обсуждения политических факторов в своей собственной работе [7].

Профессор Университета Лавала (Квебек, Канада) Жан Ляпонс установил, что фраза была якобы сказана французским военачальником Луи-Юбером Лиоте (1854–1934) на заседании Французской академии, членом которой он был избран в 1912 г. Ж. Ляпонс даже формулирует этот афоризм как «закон Лиоте» [8, р. 113].

Разумеется, этот афоризм, как и другие подобные, лишь частично отражает суть явлений. Под армией и флотом понимается наличие у этноса государственности, которая становится важным фактором для оформления диалекта в язык. Так, например, в недавнее время из сербского языка выделились

черногорский и боснийский, которые с лингвистической точки зрения не имеют существенных отличий от материнского языка. Однако в этой «остроумной шутке» не учтено лингвосознание носителей идиома, приводящее к оформлению его в качестве самостоятельного языка. У русинов нет государственности, однако пассионарность их будителей, принятие народными массами их мысли об этнической самостоятельности, культурной самоидентификации и об отдельности их языка привело к возникновению четвёртого восточнославянского языка, о котором проводятся научные конференции уже даже в Китае [9].

А.С. Герд дал дефиницию *региолекта* как особой формы устной речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью с городским просторечием». Он выстраивает триаду: *диалект – региолект – просторечие* и отмечает: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устного речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [10, с. 23-24]. Активный полевой диалектолог, с 1955 г. многократно участвующий в экспедициях в различные регионы России, составитель и редактор диалектных словарей [11; 12], А.С. Герд считает, что «диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [10, с. 24], однако не устанавливает взаимосвязи между русскими диалектными зонами, группами и региолектами, не определяет границ отдельных региолектов.

Подхватившие термин *региолект* исследователи пытаются установить границы его распространения, привязывают идиом к конкретной географической территории. Появились исследования курского региолекта [13; 14], в которых его особенностями объявляются неофициальная микротонимия, язык малых жанров фольклора, некий общий звуковой колорит толпы, но при этом автор чётко заявляет: «Кажется, что в речи коренных курян кодовых слов нет, как нет и курского

варианта русской речи» [13, с. 48]. Следовательно, чётких лингвистических показателей, отделяющих народную речь жителей Курской области от речи людей, живущих в соседних областях, нет; складывающийся на базе говоров Курско-Орловской группы русских народных говоров [15, с. 262-263] идиом не обладает на фонетико-интонационном, грамматическом, деривационном, лексико-семантическом уровнях релевантными признаками, дающими возможность выделить его в качестве самостоятельного.

Несколько статей подготовлено о дальневосточном региолекте, который, по мнению одного из авторов, распространён на территории всего Дальневосточного федерального округа [16; 17]. Исследователи отыскивают небольшое количество употребляемых только в пределах региона слов (*сонка, японка, чифанить* и др.), часть из них функционирует только в коммуникации с китайцами. Кроме этих насчитывающих чуть более десятка лексем, микропонимов и некоторых нарочито употребляемых китаизмов, других лингвальных особенностей в этом региолекте не обнаруживается.

Следовательно, убедительных лингвальных проявлений у отмеченных выше идиомов, именуемых региолектами, нет, а выделение их только на основе географического параметра не представляется достаточным. Стремление увязать понятие региолекта с территорией, использовать в качестве основы его выделения географический принцип ещё дальше уводит термин в сторону нечёткости, расплывчатости дефиниции, невозможности проследить реальную жизнь идиома. По мнению Т.В. Жеребило, «от территориального диалекта региолект отличается тем, что распространён на более обширной территории – в группе некрупных городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга» [18, с. 300]. Где располагаются эти города, каковы особенности распространённого в них идиома, как они соотносятся с русскими наречиями и переходными говорами? – вопросы, на которые вряд ли будут получены внятные ответы.

Другим путём пошли исследователи вологодских говоров, которые обнаружили в городе Белозерске региолект со следующими чертами: полное оканье, уканье в первом

предударном слоге перед [о], ёканье, отвердение губных согласных на конце слова, долгий твёрдый шипящий [ш:] на месте щ, стяжение гласных, особенности акцентуации, окончание -е в предложном падеже существительных 3-го склонения, оформление перфекта с помощью страдательных причастий прошедшего времени, местная диалектная лексика [19]. Но такими же лингвальными особенностями обладают белозерско-бежецкие говоры севернорусского наречия [20, с. 264; 21, с. 253-254]. Разделение поселений на сёла, посёлки городского типа и города весьма условно. На Кубани и в Ставрополье некоторые сёла и станицы насчитывают более 40 тысяч жителей, а на севере России города не дотягивают до 10 тысяч. В том же Белозерске проживает всего 8580 человек (2020). Чем меньше город или рабочий посёлок, чем дальше он отстоит от крупного культурного и экономического центра, тем больше вероятность, что речь его жителей будет иметь диалектные черты. Следовательно, и собственно лингвальные характеристики не позволяют определить региолект как самостоятельное лингвистическое понятие.

Следует помнить, что язык существует как континуальное явление как по горизонтали с отсутствием чётких границ между разными наречиями и говорами, так и по вертикали с плавными переходами между разными стилистическими пластами, с наличием оксюморонных понятий *литературное просторечье* и т. п. Найти место региолекту в этих плавных переходах от народной речи к просторечью и к литературному языку весьма трудно. Но всё же оно есть.

Для выявления места региолекта в системе общенародного языка целесообразно вернуться к книге А.С. Герда, в которой этот термин был дефинирован и стал доступным лингвистам. Александр Сергеевич определил предметом этнолингвистики язык в его соотношении с этносом, место и роль языка в обществе [10, с. 3], подчёркивая, что в этнолингвистике объектом выступает «не единица языка, а человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» [10, с. 10]. Этот индивид существует не отделённо от других, а только в составе социальных групп и подгрупп.

Ещё на рубеже XIX–XX веков французскими и американскими учёными было введено понятие субэтнической группы (фр. *sous-group ethnique* ‘этническая подгруппа’, ныне *groupe subethnique*, англ. *sub-ethnic group*) [22, p. 1; 23, p. 23], что привело впоследствии к закреплению в нескольких науках термина *субэтнос*. Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) установил: «Наличие разнообразных с<убэтносов> – важный признак устойчивости этноса, так как с<убэтносы> делят между собой функции, находясь в отношениях симбиоза. Путём неантагонистического соперничества с<убэтносы> делают внутреннюю структуру этноса наиболее гибкой, не нарушая его единства». Он выделяет в русском этносе субэтносы казаков, поморов, сибиряков («челдонов»), старообрядцев и др. [24, с. 521]. Член-корреспондент РАН Сергей Александрович Арутюнов подчёркивает: «На субэтническом уровне осознаваемое диалектное своеобразие выделяет этнические подгруппы внутри этноса <...>» ([25]; см. также: [26]). А.С. Герд отмечает: «В абсолютном большинстве случаев наличие у той или иной группы своего особого самоназвания (этнонима) так или иначе свидетельствует о её этнической самовыделении» [10, с. 112]. В конце XX – начале XXI века в русской социополитической, исторической и лингвистической науке произошло бурное обсуждение соотношения понятий *этнос* и *субэтнос* в связи с попытками обособления казаков, поморов в составе русского народа, кодификации поморской говори, донского гутора, кубанской балачки (см. подробнее: [27, с. 6-13]).

Н.И. Толстой образно говорит о существовании диалектологии духовной культуры: «<...> успешная реконструкция праславянской духовной культуры, праславянской мифологии затруднительна и мало плодотворна без предварительной работы по созданию диалектологии славянской духовной культуры, диалектологии славянской мифологии» [28, с. 25]. Эти слова относятся к праславянскому периоду, однако в такой же степени они могут быть использованы для описания различий между особенностями быта, архитектуры жилых построек, одежды, обрядов, традиций, обычаев, особенностей проведения праздников, поведения и т. п. и их номина-

ций в народной речи на территории проживания субэтноса. Именно эти лексико-семантические единицы в их фонетико-акцентуационном, интонационном, морфологическом, деривационном оформлении и включении в синтаксические структуры и тексты составляют основу региолекта.

Итак, субэтнос может быть определён как социальная группа, осознающая себя частью этноса, располагающаяся на определённой территории, имеющая самоназвание, обладающая гомогенным и, как правило, престижным региолектом и специфическими, отличающимися от других групп чертами материальной и духовной культуры. Субэтнос может формироваться за счёт этнографических, социальных, профессиональных, конфессиональных или иных особенностей жизни его представителей, «но критерием их выделения всегда служат поведенческие особенности и противопоставление окружению при сохранении принадлежности субэтнических групп к тому или иному этносу» [24, с. 521].

Территориальные и социальные разновидности языка, не соотносящиеся с субэтническими группами народа, нельзя считать региолектами. Они закономерно продолжают изменяться, утрачивают некоторые архаические черты, в той или иной степени испытывают влияние литературного языка, получают или расширяют своё распространение в малых городах и рабочих посёлках (посёлках городского типа), заимствуют единицы из соседних диалектов и языков, создают новые номинации для актуальных реалий, но при этом сохраняют свой диалектный статус, входят в диалектный континуум языка. Диалектная речь всегда будет изменяться, приобретать новые черты, но никогда не умрёт, не исчезнет, пока существует живой язык. Наличие диалектного континуума является обязательным признаком коммуникативного пространства живого языка.

Итак, региолект обладает следующими чертами: 1) ограничен территориально, встречается только на территории проживания субэтноса; 2) ограничен социально, является речью людей, причисляющих себя к субэтносу; 3) имеет гомогенные лингвальные черты; 4) может обладать престижностью, связанной с позитивными представлениями носителей о своём субэтносе; 5) имеет собст-

венное онимическое пространство, состоящее из особых моделей онимообразования и характерных только для этого субэтноса онимов; 6) включает в свой состав говоры с некоторыми специфическими лингвальными чертами, однако не разрушающими гомогенное единство народной речи; 7) представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах.

На расширенное понимание термина *региолект*, его связи с административно-территориальным делением страны, кажется, оказывает влияние понятие *региональная лингвистика, лингворегионоведение*. В последние годы в некоторых университетах России (Белгород, Магадан и др.) возникли научные центры региональной лингвистики. В Белгороде вышло два пособия по лингворегионоведению [29; 30]. В.К. Харченко поднимает проблемы региональной антропоники и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ей ставится задача организации языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества [31, с. 24]. В Магадане ещё в 60-е гг. прошлого века начал изучать диалекты местного края Г.В. Зотов [32], его материалы были опубликованы уже в XXI веке в словаре, в котором представлена лексика русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России (около 6000 слов и выражений). Словарь составлен на основе материалов, собранных автором в 60–70-е гг. XX века во время экспедиций в районы проживания русского старожильческого населения на реках Колыме, Анадыре, Гижиге и др. [33]. В 2016 г. лингвисты Магадана издали пособие по региональной лингвистике [34]. Региональная лингвистика описывает языковую жизнь региона, изучает распространённые на его территории языки и диалекты, она может исследовать региолект в случае представленности в регионе субэтноса, но в целом понятия *лингворегионоведение* и *региолект* не соотносятся друг с другом, как и не совпадают по смыслу термины *регионализм* и *региолект*.

Непонимание этого приводит к утверждениям, что региолект функционирует преимущественно в городской разговорной речи [35, с. 35]. Автор делает такой вывод, опираясь на мысль Т.Ю. Загрязкиной о том, что,

«если цитаделью народных говоров была деревня, то центрами распространения регионализмов стали города» [36, с. 19]. Регионализмы всегда были, есть и будут в речи жителей разных городов, это явление прекрасно описано Владимиром Викторовичем Колесовым (1934–2019) [37], они могут входить в региолекты, но не являются единственным критерием для его выделения. Если нет субэтноса, нет и региолекта.

Является ли речь жителей Донбасса региолектом? Рецензируемая книга позволяет положительно ответить на этот вопрос. Введение и первая глава в ней написаны редактором монографии В.И. Теркуловым. В ней рассматривается история термина *региолект*, достаточно подробно анализируются взгляды предшественников, вводятся уточняющие термины *диалектный региолект* (ощутимая тавтология) и *диффузный региолект*, отмеченный на территориях позднего заселения (с. 21). Не будем вдаваться в полемику с этими терминопоскоками, наше представление о региолекте изложено выше.

Вторая глава описывает языковую ситуацию в Донбассе (И.А. Кудрейко). В третьей главе, написанной большой группой авторов, анализируются языковые черты донецкого региолекта. Не все явления описаны убедительно (вряд ли два примера чёткого произношения [а] после мягкого согласного в первом предударном слоге можно назвать яканьем – с. 32, излишне детально классифицированы деривационные модели, представленные часто одним примером, – с. 35–39 и пр.). Подробно рассмотрены регионализмы (с. 42–56). Продолжением этой части книги являются материалы к словарю донецкой речи (с. 211–239). В отдельном параграфе В.И. Теркулов охарактеризовал грамматическую систему региолекта (с. 57–63).

Достаточно убедительно описано ономастическое пространство Донбасса В.И. Мозговым и К.В. Першиной в четвёртой главе (с. 64–97). В первой части главы можно встретить сомнительные и неточные заявления («собственные имена <...> далеко не всегда являются существительными – с. 64; Калка – одна из древнейших рек на юге Восточной Европы – с. 66, Чернухино – поселение «черни» – с. 71, постцивилизационный этап истории онимосферы Донбасса – с. 85).

Во второй части прекрасно описаны названия угледобывающих предприятий Донбасса – яркая черта донецкого региолекта.

В пятой главе сделана попытка описания лингвокультурного пространства Донбасса (с. 98-145). Особый интерес вызывает параграф, в котором Н.П. Курмакаева анализирует региональную языковую личность. Автор считает, что она «отличается от собственно национальной языковой личности тем, что в её сознании и её лексиконе присутствуют знаки (слова, словосочетания, фразеологизмы, крылатизмы, фразы, паремии, онимы разных групп), которые существуют как некое «ядро», объединяющее всех или большинство членов данного социума и специфичное для него» (с. 119). Если понятие *социум* уточнить термином *субэтнос*, основой которого являются представители шахтёрской профессии (с. 121), можно определённо говорить о наличии донецкого региолекта, обладающего всеми признаками этого идиома. Дополняет понимание региолекта глава шестая, анализирующая донецкий текст русской литературы (А.Ю. и В.С. Коробовы-Латынцевы). О.В. Матвиенко выискивает донецкие приметы в тексте «Слова о полку

Игоре» в переложении Н.В. Кобзева (с. 155-168). В седьмой главе Л.В. Мельникова предлагает подробно разработанную методику изучения русского литературного языка в условиях донецкого региолекта (с. 169-210). Завершает книгу список использованной литературы, содержащий 322 позиции.

В Донецке вышла полезная книга, в которой убедительно доказывается существование донецкого региолекта, который: 1) ограничен территорией Донбасса; 2) имеет в качестве основы профессионально окрашенную речь шахтёров; 3) достаточно гомогенен, распространён на всей территории региона; 4) позитивно оценивается носителями, бережно относящимися к словам и словосочетаниям своей донецкой речи; 5) имеет богатое онимическое пространство; 6) имеет устойчиво употребляемый катойконим *донбассовцы* (и *донбассцы*), в котором просматриваются этнонимические черты; 7) функционирует за пределами России; 8) включает в себя некоторые явления соседнего украинского языка; 9) убедительно представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах.

Список литературы

1. Березин Ф.М. Основные этапы развития американской лингвистики в XX в. // Американские лингвисты XX века: сб. обзоров / отв. ред. Ф.М. Березин. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2002. С. 4-35.
2. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: межвуз. сб. науч. тр. Псков: Изд-во Псков. гос. пед. ин-та, 1991. С. 156-162.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
4. Hughes St. Bilingualism in North-East France with Specific Reference to Rhenish Franconian Spoken by Moselle Cross-border (or Frontier) Workers // The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones. Roskilde (Denmark): Roskilde Universitetscenter; Institut for Sprog og Kultur, 2005. P. 135-153.
5. *Clanche Fr.* Langues régionales, langues étrangères: de l'héritage à la pratique. Paris: INSEE, 2002. 4 p. (INSEE PREMIERE, N° 830, février).
6. Paroles régionales: Normes, variétés linguistiques et contexte social / ed. J-F. Bonnot. Strasbourg: Presses Universitaires, 1995. 372 p.
7. Maxwell A. When Theory is a Joke: The Weinreich Witticism in Linguistics // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft (Münster). 2018. Vol. 28. № 2. P. 263-293.
8. Laponce J. Loi de Babel et autres régularités des rapports entre langue et politique. Québec: Presses de l'Université Laval, 2006. 194 p.
9. Супрун В.И. Русинистика в Китае как составная часть славистики: конференция «Русины и русинский язык в современном мире» в Чанчуньском университете // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (141). С. 264-270.
10. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2001. 488 с.
11. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1994–2005.

12. Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь / под ред. А.С. Герда. Вып. 1–8. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; Нестор-История, 2003–2020. (Вып. 6. Тверь: РИУ Твер. гос. ун-та, 2014).
13. *Хроленко А.Т.* Курский фольклорный диалект или курский фольклорный региолект? // *Курское слово*. 2017. № 16. С. 44-52.
14. *Хроленко А.Т.* Что такое региолект // *Курское слово*. 2018. № 17. С. 3-8.
15. *Русская диалектология* / под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 280 с.
16. *Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // *Слово: фольклорно-диалектологический альманах* (Благовещенск). 2013. № 10. С. 20-37.
17. *Оглезнева Е.А.* К вопросу о границах дальневосточного региолекта // *Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Педагогика. Филология. Философия*. 2014. № 10-11. С. 65-68.
18. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
19. *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Языковая ситуация в малых городах России // *Исследования по славянской диалектологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде*. Вып. 15. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2012. С. 155-156.
20. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 276 с.
21. *Русская диалектология* / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 283 с.
22. *Leclere A.* Le buddhisme au Cambodge. Paris: Leroux, 1899. 535 p.
23. *Kantor J.R.* An Outline of Social Psychology. Chicago: Follett Publishing, 1929. 420 p.
24. *Гумилёв Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. М.: Прогресс; Пангея, 1993. 543 с.
25. *Арутюнов С.А.* Этнические процессы и язык // *Расы и народы*. 1985. Вып. 15. М.: Наука, 1986. С. 30-56.
26. *Бромлей Ю.В., Козлов В.И., Арутюнов С.А.* Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. 446 с.
27. *Брыцина Е.В., Супрун В.И., Алещенко Е.И.* Лингвокультурное пространство казачьего Подонья. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. 358 с.
28. *Толстой Н.И.* Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры // *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований*. М.: Наука, 1979. С. 17-26.
29. *Новикова Т.Ф.* Лингворегионоведение в школе. Белгород; Харьков: Федорко, 2014. 142 с.
30. *Новикова Т.Ф.* Лингворегионоведение. Белгород; Харьков, 2010. 104 с.
31. *Харченко В.К.* О языке, достойном человека. М.: Флинта; Наука, 2010. 160 с.
32. *Зотов Г.В.* К изучению говора Магаданской области (Отчёт о диалектологической поездке в с. Марково Анадырского района Магаданской области) // *Учёные записки МГПИ. Магадан*, 1963. Вып. 1. Ч. 1. С. 3-23.
33. *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, 2010. 539 с.
34. *Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России)* / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2016. 219 с.
35. *Хорошева Н.В.* Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // *Вестник Пермского университета*. 2011. Вып. 3 (15). С. 32-36.
36. *Загряжская Т.Ю.* Французская диалектология. М.: Изд-во МГУ, МАЛП, 1995. 192 с.
37. *Колесов В.В.* Язык города. Изд. 4-е. М.: URSS, 2009. 190 с.

References

1. Berezin F.M. Osnovnyye etapy razvitiya amerikanskoy lingvistiki v XX v. [Main stages of development of American linguistics in the XX century]. *Amerikanskiye lingvisty XX veka: sbornik obzorov* [American Linguists of the XX century: Collection of Reviews]. Moscow, INION RAN Publ., 2002, pp. 4-35. (In Russian).
2. Trubinskiy V.I. Sovremennyye russkiye regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian regiolects: signs of formation]. *Pskovskiyе govory i ikh okruzheniye* [Pskov Dialects and Their Environment]. Pskov, Pskov State Pedagogical University Publ., 1991, pp. 156-162. (In Russian).
3. Kuznetsov S.A. (ed.-in-chief). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 p. (In Russian).

4. Hughes St. Bilingualism in North-East France with Specific Reference to Rhenish Franconian Spoken by Moselle Cross-border (or Frontier) Workers. *The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones*. Roskilde (Denmark), Roskilde Universitetscenter Publ.; Institut for Sprog og Kultur Publ., 2005, pp. 135-153. (In German).
5. Clanche Fr. *Langues régionales, langues étrangères: de l'héritage à la pratique*. Paris, INSEE Publ., 2002, 4 p. (INSEE PREMIERE, N° 830, février). (In French).
6. Bonnot J-F. (ed.). *Paroles régionales: Normes, variétés linguistiques et contexte social*. Strasbourg, Presses Universitaires, 1995, 372 p. (In French).
7. Maxwell A. When Theory is a Joke: The Weinreich Witticism in Linguistics. *Beitrage zur Geschichte der Sprachwissenschaft (Munster)*, 2018, vol. 28, no. 2, pp. 263-293.
8. Laponce J. *Loi de Babel et autres régularités des rapports entre langue et politique*. Québec, Presses de l'Université Laval, 2006, 194 p. (In French).
9. Suprun V.I. Rusinistika v Kitaye kak sostavnaya chast' slavistiki: konferentsiya «Rusiny i rusinskiy yazyk v sovremennom mire» v Chanchun'skom universitete [Rusynistics in China as an integral part of Slavistics: conference "Rusyns and the Rusyn language in the modern world" at Changchun University]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Proceedings of Volgograd State Pedagogic University*, 2019, no. 8 (141), pp. 264-270. (In Russian).
10. Gerd A.S. *Vvedeniye v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Course of Lectures and Anthology]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2001, 488 p. (In Russian).
11. Gerd A.S. (ed.-in-chief). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Neighboring Regions: in 6 vols.]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1994–2005. (In Russian).
12. Gerd A.S. (ed.). *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii. Slovar'* [Seliger: Materials on Russian Dialectology. Dictionary]. Issue 1–8, St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Publ.; Nestor-History Publ., 2003–2020. (Issue 6, Tver, Editorial and Publishing Department of Tver State University, 2014). (In Russian).
13. Khrolenko A.T. Kurskiy fol'klornyy dialekt ili kurskiy fol'klornyy regiolekt? [The folklore dialect of the Kursk or Kursk folklore regiolekt?]. *Kurskoye slovo* [Kursk Word], 2017, no. 16, pp. 44-52. (In Russian).
14. Khrolenko A.T. Chto takoye regiolekt [What is a regiolekt?]. *Kurskoye slovo* [Kursk Word], 2018, no. 17, pp. 3-8. (In Russian).
15. Kuznetsova P.S. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973, 280 p. (In Russian).
16. Oglezneva E.A. Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyy variant russkogo natsional'nogo yazyka [Russian Far Eastern regiolekt as a regional variant of the Russian national language]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh (Blagoveshchensk) – Word: folklore and dialectological almanac* (Blagoveshchensk), 2013, no. 10, pp. 20-37. (In Russian).
17. Oglezneva E.A. K voprosu o granitsakh dal'nevostochnogo regiolekta [On the issue of the borders of the Far Eastern regiolekt]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Filologiya. Filosofiya – Bulletin of the Buryat State University. Series: Pedagogy. Philology. Philosophy*, 2014, no. 10-11, pp. 65-68. (In Russian).
18. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2010, 486 p. (In Russian).
19. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. Yazykovaya situatsiya v malykh gorodakh Rossii [The variety of the colloquial speech in provincial Russian towns]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoy i literaturnoy form yazyka v slavyanoyazychnoy srede. Vyp. 15.* [Studies in Slavic Dialectology. Dialectal and Literary Language Forms Coexistence in Modern Slavic Languages Environment. Issue 15]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2012, pp. 155-156. (In Russian).
20. Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektoynoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialect Division of the Russian Language]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 276 p. (In Russian).
21. Kasatkina L.L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 283 p. (In Russian).
22. Leclere A. *Le buddhisme au Cambodge*. Paris, Leroux Publ., 1899, 535 p. (In French).
23. Kantor J.R. *An Outline of Social Psychology*. Chicago, Follett Publ., 1929, 420 p.
24. Gumilev L.N. *Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody* [Ethnosphere: the History of People and the History of Nature]. Moscow, Progress Publ.; Pangeya Publ., 1993, 543 p. (In Russian).

25. Arutyunov S.A. Etnicheskiye protsessy i yazyk [Ethnic Processes and Language]. *Rasy i narody*. 1985. Vyp. 15. [Races and Peoples. 1985. Issue 15]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 30-56. (In Russian).
26. Bromley Y.V., Kozlov V.I., Arutyunov S.A. *Etnicheskiye protsessy v sovremennom mire* [Ethnic Processes in the Modern World]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 446 p. (In Russian).
27. Brysina E.V., Suprun V.I., Aleshchenko E.I. *Lingvokul'turnoye prostranstvo kazach'yego Podon'ya* [Linguocultural Space of the Don Cossack]. Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University "Peremena" Publ., 2016, 358 p. (In Russian).
28. Tolstoy N.I. Etnogeneticheskiy aspekt issledovaniya drevney slavyanskoy dukhovnoy kul'tury [Ethnogenetic aspect of the study of ancient Slavic spiritual culture]. *Kompleksnyye problemy istorii i kul'tury narodov Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy: Itogi i perspektivy issledovaniy* [Complex Problems of History and Culture of the Peoples of Central and South-Eastern Europe: Results and Prospects of Research]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 17-26. (In Russian).
29. Novikova T.F. *Lingvoregionovedeniye v shkole* [Linguo-Regional Studies at School]. Belgorod; Kharkiv, Fedorko Publ., 2014, 142 p. (In Russian).
30. Novikova T.F. *Lingvoregionovedeniye* [Linguo-Regional Studies]. Belgorod; Kharkiv, 2010, 104 p. (In Russian).
31. Kharchenko V.K. *O yazyke, dostoynom cheloveka* [About a Language Worthy of a Person]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010, 160 p. (In Russian).
32. Zotov G.V. K izucheniyu govora Magadanskoy oblasti (Otchet o dialektologicheskoy poyezdke v s. Markovo Anadyrskogo rayona Magadanskoy oblasti) [To study the dialect of the Magadan region (Report on a dialectological trip to the village of Markovo in the Anadyr district of the Magadan region)]. *Uchenyye zapiski MGPI* [Scientific Notes of Magadan State Pedagogical Institute]. Magadan, 1963, issue 1, pt 1, pp. 3-23. (In Russian).
33. Zotov G.V. *Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of Regional Vocabulary of the Far North-East of Russia]. Magadan, 2010, 539 p. (In Russian).
34. Sokolyanskogo A.A. (ed.). *Regional'naya lingvistika (Krayniy Severo-Vostok Rossii)* [Regional Linguistics (Far North-East of Russia)]. Magadan, Northeastern State University Publ., 2016, 219 p. (In Russian).
35. Khorosheva N.V. Regiolekt kak promezhutochnyy idiom vo frantsuzskom i russkom yazykakh [Regiolect as an intermediate idiom in French and Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*, 2011, Issue 3 (15), pp. 32-36. (In Russian).
36. Zagryazkina T.Y. *Frantsuzskaya dialektologiya* [French Dialectology]. Moscow, MSU Publ., MALP Publ., 1995, 192 p. (In Russian).
37. Kolesov V.V. *Yazyk goroda*. [Language of the City.]. Moscow, URSS Publ., 2009, 190 p. (In Russian).

Информация об авторе

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: suprun@vspu.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Поступила в редакцию 05.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Vasili I. Suprun, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Teaching Methods Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: suprun@vspu.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Received 5 September 2020

Accepted for press 25 September 2020